

Кубышкин 2001-2002-19-18 аио - с.9

У бездны пошлой на краю

Как будем веселить?

Некоторое время назад заседание столичного клуба критиков проходило под девизом: "Публика в экстазе, критика в отпаде". Попытка разобраться в этой парадоксальной ситуации закончилась крахом. Нечто подобное происходит сейчас на страницах нашей газеты, где стараниями режиссера Д. Астрахана, донельзя обиженного на нелюбовь к нему московской критики, затеялась дискуссия на аналогичную тему. Увы, несмотря на искреннюю эмоциональность выступающих, делиться с публикой, каждый остается при своем мнении. Причем режиссеры почему-то нахально узурпируют право говорить от имени публики, критика же, по их мнению, только досадно путается под ногами, мешая творцам и зрителям слиться в экстазе.

Этот экстаз предполагается прежде всего в жанре развлекательного театра, которым отмечено сегодня 99 процентов антрепризных постановок, предназначенных для так называемого "широкого" зрителя. Вероятно, считается, что зритель "узкий", к которому принадлежат и критик, на эти действия не пойдет — для него есть А. Васильев, П. Фоменко, В. Фокин и др. Так дайте же режиссерам и актерам порезвиться от души и без границ. И все бы ничего, да билеты на эти "резвилья" сильно дороги, а если еще парой прийти, да в бубрету даму сердца шампанским угостить... А потом на сцене такое увидеть, что больше в театр ни ногой — ни в какой, даже весьма далекий от антрепризных родепок. В общем, никто, кроме критика, эту бедную публику и не пожалевает.

В последнее время антрепризные проекты сыплются на зрителя как из рога изобилия. Практически каждую неделю играет очередная премьера, хотя порою таковой она является лишь для москвичей — чаще новорозжденное зрелище обкатывается в провинциальных городах. Вот вам первый пример — "Любовь и кролики" по пьесе Виталия Павлова.

Имена-то какие — Армен Джигарханян, Ирина Розанова, Василий Бочкарев. К тому же, за исключением последнего, на сцене выше-

упомянутые актеры появляются не часто. Автор — тоже человек не без репутации. Давние антрепризные проекты по его пьесам успехом пользовались немалым и в далеком зарубежье ездили. К тому же Павлов на сей раз выступил и в качестве режиссера спектакля, представленного продюсерской компанией "Аметист".

Увы и ах, вновь сели в лужу, забрызгав при этом не только публику, но главное — самих себя. Хотя начиналось все очень даже и неплохо, а подвешенные тут и там старинные военные мундиры намекали на возможность забавной костюмированной игры. Правда, слежка подпортит первое зрительное впечатление внушительных размеров кровать, в свою очередь намекающая на банальные ходы. Вот ведь любопытное явление — поминутный предмет мебели стал неотъемлемым атрибутом едва ли не каждого второго антрепризного проекта. И, по иронии судьбы, "проект с кроватью" обычно проваливался. В пору серьезно поразмыслить о темных "постельных" силах.

Две грани вечного треугольника — жена (И. Розанова) и любовник (В. Бочкарев) — играли сначала смешно, остро и со вкусом. Потешали друг друга и нас передразнивая, шутками и комедийным мастерством. Хотелось отключиться, пошутить и даже временами поаплодировать. Пока эффектно не вышел на сцену любимец публики Армен Джигарханян в роли обманутого мужа. И все. Спектакль как действие цельное закончился, и начался бенедикс. Актеры же попледали и озарили, поскольку извечного театрального "одеяла" хватило лишь на одного Джигарханяна.

Армен Борисович, безусловно, артист всеми уважаемый и любимый, с блистательным послужным списком ролей. Быть может, по контрасту с этим грубая безвкусица творящегося на сцене поворота в благородный шок. Откуда это назойливое комикование, плоские (и многократно повторяемые) шутки и нежелание вписываться в общий ансамбль? Лишь в самом финале из-под грубо размазанной маски показав-

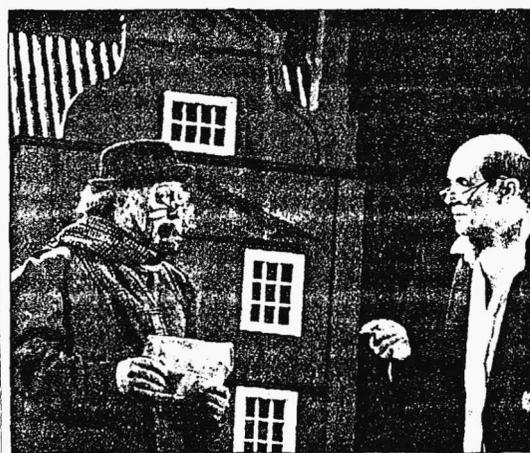
лось лицо персонажа и артиста. Было поздно.

Говорят, что публика — дура и все скушает, лишь бы "официанты" были узнаваемы и популярны. Да, конечно, тут хлопали и смеялись. Но пусть не столь массовый (спектакль предусмотрительно идет без антракта), но заметный исход публики с первых рядов престижного действия с дорогими билетами — явление тоже симптоматичное. Привередливому же критику и аплодировать не хотелось. Как-то нехотко...

Независимый антрепризный проект "Адам и Ева", осуществленный при поддержке Международного банка развития, компании "Сфинкс 2001" и ряда других спонсоров, представлялся поначалу куда большим "котом в мешке". Прежде всего из-за недостаточной раскрученности имен его создателей. И все же вызывал интерес: в его основу легла некая-нибудь наша или переводная комедийная однодневка, а сам господин Артур Миллер с пьесой "Сотворение мира". Да и режиссер Алексей Кирищенко, широкой публике не слишком известный, все же помнил своим оригинальными, остроумными и талантливыми постановками в "Содружестве актеров Таганки".

Но коварная антреприза пошла и не таких. Тут ведь главное не столько самовыразиться, сколько доставить обожаемой публике удовольствие любой ценой и спроволочить ее на материальную окупаемость проекта. Не потому ли от безусловного умения А. Кирищенко предстать действие цельное, гармоничное и логически оформленное мало чего осталось — спектакль распадается на ряд разножанровых эпизодов, которые не всегда стыкуются друг с другом. Плюс обилие вставных номеров не очень высокого вкуса перед появлением Люцифера — С. Векслера в карикатурном облике Бэтмена, сопровождающегося пластическими телодвижениями под заезвено-промкую музыку.

Хотя действие это все же далеко не столь однозачно, как вышеупомянутые "Кролики". Тут есть юмор, и оригинальные находки, и

Г. Хазанов и А. Филиппенко в спектакле "Труп на теннисном корте"

актерские удачи. Ну не забавны ли Адам — Д. Марьянов и Ева — В. Сотникова — еще не люди, уже не обезьяны, с жестами и повадками последних, невинными младенцами резающиеся под умигательный присмотр Создателя — В. Долинского? Сам же Создатель (пожалуй, самый удачный актерский образ) — далеко не грозный небожитель, но милый и кроткий старичок, азартно, но по-домашнему мягко "творящий мир".

А на большом киноэкране (примечательно, в антрепризе функционален, а здесь даже эмоционален) проносятся, напывая на публику, эта самая Волеванная — горы, моря, твари, люди, герои, идиллические картинки и пейзажи катастроф, зримо связывая мифы и реальность, смех и раздумья. И жаль, что на этом фоне во втором действии спектакля наши живые и непосредственные герои, перенесенные куда-то в будущее, ошугито увязают с современностью, стали скупыми, банальными и невняточными. Включая их детей, Каина — В. Виноградова и Авеля — И. Благодного, которым досталось по небольшому эпизоду, кажется, из какой-то другой пьесы. Второй акт, не успев на-

чаться, тут же и кончился, оставив ощущение незавершенности. Хотя, как известно, практически любой спектакль к моменту выхода на публику бывает весьма сыроват.

Поневеле задавшись вопросом: а можно ли в антрепризе в принципе повеселить публику достойно, смешно, но не пошло, со звездами, но без унылых, повздохомимеских штампов? И ведь, оказывается, можно. Что и продемонстрировали Геннадий Хазанов и Александр Филиппенко в совместной постановке Театра эстрады и "Независимой антрепризы" Ю. Малакянца "Труп на теннисном корте" Э. Шеффера, осуществленной режиссером Евгением Каменевым и художником Александром Боровским. Замечу, что этот спектакль, видимо, по инерции, обруган критикой. Между тем в нем есть целый набор удач. Пьеса умная и душевная, с комической детективной интригой и психологическими оттенками — в "полицейском и вора" играют два неприкаянных существа: и стреляют друг в друга почти всерьез, и расстаться не могут. И вот ведь прелесть какая при нашей "испорченности" — два одиноких мужика все вечера проводят вместе, а у режиссера не воз-

никает никаких "подтекстов". Да и художник молодец: зеленая лужайка, на ней иррегулярный домик-коробочка. И как же славно, но ненавязчиво он аккомпанирует душевным моментам: раскрывается, распаивается со всеми своими потайными ящичками и дверцами, точь в точь наши герои, маски то надевающие, то сбрасывающие.

И актерам есть что играть. А. Филиппенко — известный писатель, обманутой муж, фигура донельзя закомплексованная, несмотря на внешне импозантность. Г. Хазанов — нищий любовник, наивный и недалекий, привыкший к унижениям в силу социального положения и неанглийского происхождения. Затеваемая героем Филиппенко поведокража собственных бриллиантов поначалу логично обосновывается: одному — страховка, другой сможет обеспечить любимую женщину. А впрочем, все это вскоре отбрасывается как ненужная условность. Главное и единственное, что их интересует, — игра во имя себя самой и как попытка избежать от одиночества, пусть с помощью такой вот изощренного фантазма.

И они играют с мальчишеским азартом и мастерством профессиональных лицедеев, то и дело меняя ролями и настроениями. Хазанову по воле автора повезло больше — с количеством "образов" и костюмов. То он застенчивый "ответчик", отражающий атаки грозного мужа; то нелепый клоун, аккуртно развешивающий "а ярости выбранные" из ящиков вещи; то выдвинутый полицейский инспектор, припирющий партнера к стенке. Они, увлекаясь и забыв про всех жен и любовниц, бесконечно прокурчивают разные варианты игры, и в этом абсолютно несерьезном занятии находят укрытие от всех неприглядностей реального мира. И, между прочим, увлечают зрителя как "широкого", так и "узкого".

Так что вряд ли стоит искать правых и виноватых, поклонников и "вредителей". Все дело в отношении к профессии и в умении не скатиться за ту грань, где успех вероятен, но неочевиден. А где успех вероятен, он всегда — публика вежлива.

Ирина АЛПАТОВА